

В. Н. Надеев, В. В. Тимофеев

Соболь

Охотничье-зоологическая монография

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 796
ББК 75.5
В11

В11 **В. Н. Надеев**
Соболь: Охотничье-зоологическая монография / В. Н. Надеев, В. В. Тимофеев – М.: Книга по Требованию, 2015. – 404 с.

ISBN 978-5-519-14892-4

ISBN 978-5-519-14892-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

4. Исследование краниологической коллекции, состоящей из 856 черепов соболей (хранится в Западно-Сибирском и Восточно-Сибирском отделениях ВНИО).

5. Результаты исследований желудков и экскрементов 1000 соболей (материалы Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского отделений ВНИО).

6. Результаты исследования соотношения внутренних органов 207 соболей (материалы Западно-Сибирского отделения ВНИО).

7. Сводка гистологического анализа маток 163 соболей (исследованы в Москве во ВНИО).

8. В основу раздела о болезнях соболей легли исследования 490 тушек соболей, проведенные в Иркутске А. П. Тошевым и в Улан-Удэ С. Н. Мачульским (материалы хранятся в Восточно-Сибирском отделении ВНИО).

Работа над отдельными главами была распределена между авторами следующим образом:

В. В. Тимофеевым написаны главы: «К истории соболиного промысла», «Повадки соболя», «Убежища», «Охотничий участок и охотничий район соболя», «Суточный ход соболя», «Перекочевки», «Питание», «Враги и конкуренты», «Линька», «Болезни соболей», «Размножение», «Естественное расселение соболей» и следующие области распространения соболя — Байкальская, Южно-Забайкальская, Витимо-Олекминская, Алдано-Зейская, Дальне-Восточная, Приморская, Шантарская, Камчатская и Анадырско-Пенжинская и разделы книги — «Организация и методика учета соболей», «Искусственное расселение соболей», «Воспроизводственные мероприятия» и «Перспективы роста численности и мероприятия по увеличению запасов соболя».

В. Н. Надеевым написаны: «Общее описание соболя», «Географическая изменчивость соболей», «Методика определения возраста соболей и их возрастной состав в очагах», «Границы ареала соболя», следующие области распространения соболя — Урало-Обская, Обь-Енисейская, Енисейско-Ленская, Ангарская, Алтайская, Кузнецкая, Саянская, Сахалинская, Северо-Восточная и «Ближайшие задачи научно-исследовательской работы».

Список основной литературы по соболю — составлен совместно.

Статистическую обработку материалов и оформление картографического материала выполняла М. Р. Аренс. Большинство фотографий принадлежит авторам.

Многие начальники областных, краевых и республиканских управлений охотничьего хозяйства и контор Заготживсырье оказали нам существенную помощь, высылая копии ведомственных материалов.

Широкую поддержку в своей работе авторы встретили у научных работников Западной и Восточной Сибири, работников заготовительных организаций и ряда охотников-соболятников.

К ИСТОРИИ СОБОЛИНОГО ПРОМЫСЛА

Охота на соболя как специальный вид промысла началась с появлением спроса на собольи шкурки.

В. К. Арсеньев⁽¹⁶⁾, описывая соболиный промысел в Уссурийском крае, отмечает, что до появления русских специальной охотой на соболя туземцы не занимались и убивали только тех зверей, которые случайно попадали в их ловушки. Из меха соболей шили головные уборы, наушники, рукавицы. Местами коренное население носило собольи шубы и использовало соболий мех на «подшвы лыж» (Миддендорф,²³⁴).

С. П. Крашенинников⁽¹⁸²⁾, описывая камчатских соболей, указывает: «В прежние времена бывало там соболей невероятное множество: один промышленник мог изловить их без дальнего труда до семидесят и осьмидесят в год, и то не для употребления кож их, ибо оные считались хуже собачьих, но более для мяса, которое употребляли в пищу, и сказывают, что камчадалы при покорении своем за ясак соболиный не токмо не спорили, но, напротив того, весьма казакам смеялись, что они променивали ножик на 8, а топор на 18 соболей».

Широкий спрос на собольи меха появился давно. Арабский путешественник IV века Ибн-Батута констатирует, что волжские булгары исстари выменивали дорогие меха в Сибири.

Около половины VII века могущественные в то время хакасы завязали сношения с Китаем и имели ясачных, плативших им дань соболями и белками. Нет сомнения в том, что существовавшее в низовьях Амура могущественное и для того времени достаточно культурное государство Бохай (VII—X века) не только обменивалось посольствами с Китаем, но и вело с ним торговлю, в которой меха, и в первую очередь собольи, играли не последнюю роль.

Марко Поло упоминает соболей в числе сокровищ хана Кублай, завоевавшего Манчжурию и Корею.

Хорошо известно, что некоторые греческие колонии на Черном море вели обширную торговлю мехами, которые северные купцы привозили из глубины страны.

Русское государство с самого начала своих торговых сношений с Византией и Западной Европой обменивало меха на другие товары. При внешней торговле мехами уплачивалась дань монголам, снабжались посольства, одаривались иностранные гости и даже субсидировались войны. Внутри государства меха имели значение де-

нежных знаков, которыми оплачивалась торговая пошлина, выдавалось жалованье должностным лицам, раздавалась милостыня и т. д.

В XII—XIV веках остяки (орьхо) под татарским нажимом вынуждены были отойти до устья Иртыша и, покоровшись, стали платить им дань соболями и оленьими шкурами.

В те времена, когда алтайцы входили в состав Джунгарии (XV век) и земли, занимаемые ими, составляли собственность Джунгарского государства, они платили налог Джунгарскому хану, от которого на Алтай приезжали специальные сборщики налога «торга». Позднее алтайцам пришлось платить ясак и Джунгарскому хану, и русским. Налог выплачивался в основном соболями. Из журнальной записи рудоприемщика Шелagina в 1745 г. следует, что «... двоedanцы ясачные татары, кочующие по реке Майма, платили ясак русским «по одному соболю с человека» и «алман» Цзюнгарскому Кактайше по 5 соболей с человека».

Заинтересованность Русского государства в пушнине побудила предприимчивых русских промышленников в погоне за «мягкой рухлядью» продвигаться на восток. Собираясь группами, они без карт и знания местности отправлялись в поиски новых «землиц», «Промышленные и охочие» люди зачастую присоединялись к специальным отрядам «служилых» людей, которых направляли представители государственной власти со специальным заданием — разведать и описать до тех пор неизвестные места. Эти отряды сами занимались добычей пушного зверя и вели меновую торговлю с местным населением. Новгородцы уже в начале XI века вели торговлю с туземными племенами за Уралом. Арабский ученый Абу-Исхака аль Фарси в «Книге климатов» (половина X века) пишет, что и арты (русское племя) «... вывозят черных соболей и свинец». Эта торговля не всегда была основана на добровольных соглашениях, часто она носила характер сбора дани.

Вслед за промышленными людьми и первыми землепроходцами пришла русская власть и формально закрепила за Русским государством право на пользование Сибирью как русской землей. На освоение Сибири от Урала до берегов Тихого океана потребовалось около 800 лет, если начать исчисление с первых походов новгородцев в начале XI века до формального закрепления Амура в 1858 г. Фактически же русским потребовалось значительно меньше времени, чтобы дойти до берегов Тихого океана и Камчатки.

Русские власти облагали данью местное население, которое выплачивало ее пушниной. Эта дань называлась «ясакom». Назначался ясак для каждого рода или племени в отдельности, «смотря по людям и по промыслам». Размер ясака вначале определялся местными «служилыми людьми» и во многих местах должен был выплачиваться соболями. С этих пор соболинный промысел прочно вошел в хозяйственную деятельность коренного населения Сибири.

Некоторое представление о размерах ясака дает нам грамота 1601 г., по которой в Верхотурском уезде определялось брать с женатого 10 соболей, а с холостого 5 соболей. В Инбатском зимовье

«...князцы платят по 5 соболей, а рядовые и родники по 5 же соболей; ясак с подростков брать, когда им исполнится 5 лет».

Лишь с оскудением соболиных промыслов разрешалось заменять соболя «прочей мягкой рухлядью», для чего существовали нормы замены. Так, в конце XVII века в Мангазее за соболя принимали шкурки: «...лисиц и росомах по 1 зверю, песцов белых по 16 штук, голубых песцов 2 штуки, выдры 1 штука, белки 100 штук».

В 1858 г., по сообщению В. Вербицкого, с черновых татар (кумандинцы, тубалары) соболь взимался уже не с каждого охотника, а «сверх того по 10 соболей с каждой волости». У калмыков (алтайцев) вместо соболей с каждой волости должны были внести в казначейство 10 чернобурых лисиц «...Если же лов лисицы будет неудачен, они заменяются белками, за каждую по 80 штук».

Исчисление ясака в соболиных единицах сохранилось до самого последнего времени его существования.

Тяжесть выплаты ясака усугублялась тем, что «служилые люди» старались собирать его с прибылью. Удаленность от Москвы и связанное с этим отсутствие должного контроля порождали большое количество злоупотреблений служилых людей. Всякого рода «дополнительные» поборы в пользу воеводы, сборщика, духовенства и др. сопутствовали сбору ясака. Многочисленные указы, направляемые из Москвы с целью пресечь эти злоупотребления, и твердо устанавливаемые нормы обложения ясаком не давали положительных результатов. Помимо перспектив на легкое обогащение развитию злоупотреблений много способствовало нерегулярное обеспечение служилых людей «государевым жалованьем», которое зачастую задерживалось в течение нескольких лет.

Взяточничеством и незаконными поборами занимались и рядовые сборщики ясака, и воеводы, и даже сибирские губернаторы. Из Москвы иногда посылали особых уполномоченных, и тогда расправа с «ворами» была жестока. Даже такие высокопоставленные чиновники как сибирский губернатор Гагарин, иркутский воевода Ракитин и вице-губернатор Жолобов за взяточничество, насилие и грабежи были казнены в первой половине XVIII века.

Чтобы обеспечить сбор ясака, строились укрепленные «острожки», которые являлись местом концентрации собранной пушнины. В каждой острожке был старший приказчик из служилых людей, он имел под своим началом отряд казаков. Помимо служилых людей и казаков около этих острожков концентрировались «охочие» люди, которые сами занимались промыслом. Насколько велик был наплыв таких «охочих» людей, можно судить по приводимым Фишером ведомостям в «Сибирской истории»: «... на Нижнюю Тунгуску отправилось казаков 28, а промышленников 189; на Подкаменную Тунгуску казаков 44, а промышленников 312».

Коренное население попадало под тройной гнет узаконенного ясака, незаконных поборов сборщиков и произвола промышленников. Промышленники из охочих людей в погоне за наживой часто занимали старые промысловые «ухожья» коренного населения, нарушали прежние обычаи и тем самым притесняли их. Чтобы рассчитаться с ясаком и удовлетворить незаконные требования служилых

людей, местные охотники вынуждены были усилить промысел соболя. Появление большого количества пришлых промышленников, зачастую вытеснявших местных охотников из их постоянных охотничьих угодий, вынуждало последних заходить для добычи соболей в более глухие, отдаленные участки.

Русские принесли с собой новую культуру, которая в первую очередь отразилась на технике добычи соболей. Вместо единственной добычи при помощи лука широкое применение получили такие ловушки как кулемка, пасть, кроме того, отлов соболей сетями (обмет и рукавчик), а в дальнейшем и капкан. Применение новых орудий промысла значительно облегчало, а следовательно, и повышало добычу соболей.

Усиленный промысел не мог не сказаться на запасах соболя. Не успели еще русские дойти до Байкала и Лены, как в Москву пошли челобитные об оскудении промысла на Урале и Оби, где приходилось при сборе ясака заменять соболя «прочей мягкой рухлядью».

Об оскудении соболиных промыслов свидетельствует следующая выписка из документа от 1649 г., приводимая Г. В. Вернадским в работе «Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII века» (журнал Министерства народного просвещения, новая серия, часть VI, апрель 1915 г.): «А по расспросу де торговых и промышленных людей Иевка Елиссева и Незговорка Григорьева, что де они на тех реках промышлявали, и иные их братья промышленные люди в прошлых годах, как они в Якутах были до приезд прежних воевод на ужину (долю) такими кулемами в зиму сорока по три и по четыре и по пяти и по шести и по полусема сорока на человека, а ныне де на те реки промышленные люди ходить перестали, потому что соболя опромышляли, а которые при них на те реки ходили, и они всего на ужину добывали по пятнадцать и по двадцать, потому что соболю весь в Якутском уезде на ближних реках, в которые в ясачные зимовья на годовую служилые люди посылаются, торговые и промышленные люди своими промысла кулемами опромышляли».

Правительство, обеспокоенное уменьшением поступления ясака, несколько раз пробовало урегулировать порядок взимания его и прекратить злоупотребления сибирских властей и промышленных людей. Неоднократно пыталось ввести порядок в пользование охотничьими угодьями и оградить «ясачных людей» от вторжения к ним пришлых «промышленных» и «охочих» людей. Примером такой заботы об охране интересов людей, «промышляющих ясаком», может служить «Наказ о должности Якутских воевод» за 1646 г., опубликованный в сборнике «Акты исторические», собранные и изданные Археографической комиссией (т. V, 1676—1700 гг. Санкт-Петербург, 1842 г.). В этом наказе говорится: «Учинить заказ крепкой: по которым рекам, по Лене, по Олекме, по Алдану, по Витиму, по Учару, по Тонтоте, по Мае, по Ядоме и по иным сторонним рекам, где живут ясачные иноземцы и промышляют ясаком, и по тем рекам торговым и промышленным людям ходить не велеть, а промышленным людям ходить на промысле в те места, чтоб ясачным людям от промысла их тесноты и ясачному сбору недобору не было».

Но все эти меры, предпринятые из далекой Москвы, не принесли ни облегчения местным охотникам, не сократили хищнического уничтожения соболя.

Введенная правительством в конце XVII века почти полная монополизация торговли мехами оставила много отдушин для частной торговли. Купцам было запрещено продавать меха достоинством выше 20 руб. за пару и 300 руб. за сотню по московской цене. Частным торговцам в Сибири запрещалось торговать с другими государствами. Лучшие меха отбирались в государеву казну, но стоимость их выдавалась купцам деньгами. Частные торговцы находили пути в обход существовавшим законам. Процветали подкуп воевод, скупка у них лучших мехов и т. д. В конце XVIII века даже торговля с Китаем перешла в руки купцов.

Покупка пушнины от охотников производилась не за деньги, а путем товарообмена. Такая форма торговли была особенно выгодна скупщикам, так как они, пользуясь незнанием охотниками истинных цен ни на товары, ни на пушнину, назначали произвольные цены. Недоплачивая стоимость шкурок и устанавливая небывало высокие цены на свои товары, купец получал двойную прибыль. Если к этому прибавить обман и спаивание местных охотников как обычное явление при покупке у них пушнины, то эта «торговля» была для скупщиков особенно выгодна. Нам известен случай, рассказанный эвенком Иваном Ивановичем Селезевым из Тунгокоченского района Читинской области, когда охотники, собравшиеся на «болжор» (заранее назначенное место для обмена пушнины) в устье одной из речек, были обмануты своим «другом» торговцем. Население трех юрт дождалось приезда «друга» несколько дней. Когда он, наконец, появился, то в первую очередь угостил всех водкой. Слабые к алкоголю эвенки охмелели и заснули. Проснувшись на следующий день, они уже не застали своего «друга», не нашли своей пушнины, а взамен нее им был оставлен пуд муки. С тех пор эта речка носит название «Пуд».

Характерен случай, имевший место на Камчатке: один из скупщиков обменял охотнику плохонькие часы на лисицу, после этого в течение 3 лет он брал с этого же охотника по лисице, несмотря на то что часы испортились в первые же дни пребывания у нового хозяина.

Каждый скупщик и торговец обычно вел торговлю в определенном населенном пункте. У него же охотники, отправляясь на промысел, брали необходимые продукты, порох и другие припасы, причем, как правило, в долг. Торговец имел книгу, куда записывал стоимость выданного аванса. Охотник не получал никакой справки или копии произведенной записи. Рассчитывались за выданные товары пушшиной после промысла. Пользуясь доверчивостью и неграмотностью своего должника, скупщик держал его в постоянном долгу. Тем самым он как бы закреплял этого охотника за собой. При выдаче аванса торговец не рисковал ничем, так как даже долг умершего переходил к сыну, а у некоторых народностей, если у охотника не было родственников, то за долг отвечал весь род.

Стараясь избавиться от постоянно гнетущего долга, охотник вы-

нужден был усиливать промысел на более ценных зверьков, увеличивая число ловушек, усовершенствуя их и удлиняя сроки промысла. Количество зверьков в угодьях уменьшилось и шансы попадания их в ловушки тоже. Охотнику приходилось обставлять ловушками все большую территорию, увеличивая их количество. В. К. Арсеньев⁽¹⁵⁾, описывая соболиный промысел в Уссурийском крае, указывает, что 1 охотник настаивал до 2000 ловушек. Совершенно очевидно, что ему не удавалось своевременно осмотреть все настоженные самоловы. Это приводило к бесполезной гибели многих зверьков, которые оказывались попорченными птицами или мышами или съеденными другими хищниками. Усугублялось истребление соболя и тем, что из-за беспечности некоторых охотников ловушки оставались настоженными на лето.

С дальнейшим уменьшением количества соболей все большее распространение получила добыча с обметом и рукавчиком. Охотнику достаточно было найти след зверька, чтобы упорным преследованием добыть этого соболя.

Особенно широкое применение в текущем столетии получили капканы, которые почти полностью вытеснили существовавшие ранее самострелы и черканы. Все эти виды ловушек (капкан, самострел и черкан) имели огромные преимущества перед стационарными самоловами. Опыт охотника и знание повадок зверька позволяли ему настаивать эти ловушки почти с полной уверенностью в поимке соболя. Капканы позволяли промысливать соболя в каменистых россыпях или густых зарослях кустарников, где ни обметом, ни с собакой добывать его не удавалось.

В погоне за наибольшей добычей пушнины охотники перестали соблюдать рациональные сроки промысла. Чтобы захватить соболиные участки, многие охотники стали выходить на промысел все раньше и раньше, стремясь опередить один другого. В результате они стали добывать неполноволосых соболей, получивших в пушной торговле наименование «недособоль».

Задержка охотников в тайге до поздней весны приводила к еще худшим результатам. Ловили зверьков не только с потертым, выгоревшим, начинающим падать волосом, но и самок в последней стадии беременности. В пушной торговле появились летние шкурки соболя, получившие название «калтан».

Высокие цены на соболя шкурки и неразборчивость скупщиков пушнины привели к резкому ухудшению меховых качеств поступающих в продажу соболей. Для предотвращения этого некоторые сельские общества на Лене постановили не выходить на весенний промысел.

Вначале развития соболиного промысла местные охотники стремились сохранить основные запасы производителей, особенно в период беременности самок и вывода молодняка. Это подтверждается сказками об охотнике, убившем из-за жадности слишком много зверьков и наказанным «духами». Такие сказки до сих пор можно услышать у мангров, тофов и гольдов на Амуре, у эвенков на Подкаменной Тунгуске; есть они и у юкагиров, ламутов и других охотничьих племен.

Для сохранения соболей на Шантарских островах охотники Тугуро-Чуминского района (эвенки, нивухи и якуты) обычно промышляли на островах через три года на четвертый. Даже в период крайней нужды, когда кабальная зависимость от скупщиков заставляла охотников усиленно добывать соболей, старики требовали от охотников, уезжающих на остров, оставлять в каждой реке пару соболей ⁽³¹⁶⁾.

У некоторых племен были свои «священные» места, где добыча всякого зверя была запрещена и они служили как бы заповедниками. Нарушение неприкосновенности «священных» мест строго каралось.

Ю. В. Аверин ⁽⁴⁾, описывая наземных позвоночных восточной Камчатки, указывает: «Кроноки издавна славились обилием соболя. Примерно в половине прошлого столетия они были выделены местным населением в своего рода заказник. Охота в нем преследовалась самими же охотниками». Как известно, Кроноки долгое время были государственным заповедником.

В. Н. Скалон в работе «Речные бобры Северной Азии», опубликованной в 1951 г., указывает, что колонии бобров и соболей, послужившие базой для организации Кондо-Сосвинского государственного заповедника, сохранились в результате охраны их местным населением.

На территории Баргузинского заповедника соболь сохранился в результате того, что угодья эти с давних времен были официально закреплены за эвенками Подлеморско-Шемагирского рода.

Древний порядок пользования охотничьими угодьями был принят и пришлым — русским — населением. До сих пор в некоторых промысловых районах (преимущественно северных) охотники имеют свои угодья, которые все еще переходят по наследству от отца к сыну.

По мере уменьшения количества соболей права на исключительное пользование соболями угодьями теряли значение. За соболем приходилось уходить все дальше и дальше в глубь тайги. Отдельные охотники уходили на соболевку за сотни километров от места своего жительства. Так, охотники-соболятники из Минусинского района Красноярского края (верховья Енисея), в 1910—1920 гг., нагрузив на нарты все необходимое, переваливая гольцы, доходили до верховьев рек Уды, Оки, Зимы, проделывая на лыжах до 500 км, пока не достигали соболиных угодий. Некоторые минусинцы уезжали соболевать на Дальний Восток и даже на Камчатку. Чунские охотники из Шиткинского района Иркутской области отправлялись соболевать в Белогорье, т. е. на хребты Восточных Саян, за 300—400 км. Соболятники с реки Киренги, чтобы добраться до гольцов, заезжали на лодках в верховья порожистых горных речек, затем перетаскивали свое снаряжение на себе, а возвращались с промысла только весной, когда реки освобождались от льда.

Трудности, связанные с добычей соболя, вынуждали охотников объединяться в артели по несколько человек. Такой артельный промысел существовал давно. С. П. Крашенинников ⁽¹⁸²⁾ в главе «О витимском соболином промысле» описывает организацию артели, фор-

ма которой сохранилась без изменения с давних времен (1733—1737 гг.) почти до настоящего времени. В артелях легче было тащить тяжело груженные нарты, сменяясь по очереди при протапывании лыжни. Меньше времени уходило на оборудование лагеря. Преобладавший в те времена способ добычи соболя обметом требовал участия не менее 2 человек и пр.

В организовавшейся артели выбирали старшего из числа наиболее опытных охотников. Он был ответственным руководителем артели и его распоряжения были обязательны. Результаты добычи делились поровну между всеми участниками охоты. Но там, где господствовал в деревне кулак, даже в артелях эксплуатировались охотники. Зачастую более богатые кулаки или скупщики пушнины вербовали себе так называемых «половинщиков». Такого половинщика снабжал хозяин всем необходимым для промысла, за что он должен был отдать половину своей добычи. При дальних заходах в тайгу некоторые охотники, чтобы обеспечить себя продовольствием на весь сезон промысла, вынуждены были, авансируясь у купца, нанимать «отгащиков», помогавших ему тащить груз. В результате львиная доля добычи попадала в руки того же купца.

Лишь в районах, где сохранился ловушечный способ добычи соболей, промысел проводился в одиночку. На Дальнем Востоке одиночки объединялись в группы, чтобы обезопасить себя от банд, нападающих на охотников и их добычу.

Если в один и тот же район уходило несколько артелей, то отдельные участки распределялись между ними либо добровольным соглашением, или жеребьевкой. Обычай сохранял право пользования угодьями за тем, кто первый их захватывал. Поэтому, если артель ожидала появления вблизи другой артели, она старалась, расставляя ловушки, захватить как можно больше территории.

В некоторых районах, например в Баргузинском, где соболиные угодья считались собственностью эвенков, существовал порядок аренды отдельных речек. В этих случаях скупщики или местные кулаки арендовали участки для себя, а затем на кабальных условиях нанимали охотников.

Царское правительство почти не занималось регулированием промысла соболя.

Количество соболей уменьшалось с катастрофической быстротой.

На сокращение численности соболей повлияли и лесные пожары, которые охватывали почти все таежные районы Сибири. Разработка площадей под хлебопашество велась подсочным способом. Выжигая свой участок, хлебороб пускал палы и не был в силах их приостановить. Зачастую горели массивы лучших охотничьих угодий. Немало лесных пожаров возникало и от небрежного обращения с огнем.

Особенно большие пожары свирепствовали в Сибири во второй половине XVIII и в XIX веке.

В 1915 г. было особенно засушливое лето и огонь широко распространился по лесам всей Сибири; в этом году свыше 6 млн. км² было покрыто густым дымом. Дым мешал судоходству на Лене, Ангаре, Енисее; на многих участках железной дороги было нарушено регулярное движение поездов. Огонь охватывал многие

участки, в которых соболь еще сохранился. Гибли не только молодые соболята, но и взрослые зверьки.

Только после того как советская власть организовала действенную охрану лесов и для борьбы с огнем была использована авиация, количество лесных пожаров резко сократилось.

Немало хороших соболиных угодий за последнее столетие уничтожил кедровый шелкопряд. Начало больших повреждений кедровых насаждений шелкопрядом относится к 1885 г. В течение нескольких лет громадные площади кедровников были превращены в «сухарники». Труднопроходимые, изобиловавшие всяким зверем леса после нашествия гусениц шелкопряда представляют унылую картину. Сухие стволы иногда в несколько обхватов толщиной раскисли сухие сучья, а под ними на земле редкими куртинами растет трава. Масса валежника преграждает дорогу путнику. Звери и птицы покинули эти места. Только дятлы стучат, добывая из-под коры личинок короедов.

Лесные пожары и кедровый шелкопряд за последние 100 лет сократили площадь кедровников почти на 20%. Это также не могло не отразиться на запасах соболя.

С приходом советской власти вся торговля пушниной перешла в руки государства. Одним из первых важных мероприятий было введение сроков соболиного промысла.

Одно регулирование промысла сроками не могло восстановить поголовье соболей. Поэтому советское правительство организовало ряд государственных заповедников, и с 1935 г. были полностью прекращены добыча и заготовки собожьих шкурок на всей территории Советского Союза сроком на 5 лет. Одновременно в широких масштабах начали проводить мероприятия по расселению соболей в первую очередь в места, где они были выбиты окончательно. Поголовье стало быстро восстанавливаться, и в 1940 г. представилась возможность вновь открыть соболиный промысел. Предварительно на большой территории было проведено обследование запасов соболя и выявлены результаты запуска. Учитывая данные обследования, промысел был разрешен только в тех районах, где запасы соболя стали достаточными.

Количество соболей, предусмотренное общим государственным планом добычи, распределялось областными или краевыми исполнительными комитетами депутатов трудящихся по районам в зависимости от состояния запасов зверька. При этом районы распределялись между заготовительными организациями с таким расчетом, чтобы (по возможности) в одном районе заготовку соболей производила одна система.

Охота на соболя разрешается с 1 ноября по 1 февраля, когда шкурка его имеет лучшие качества.

Местное Управление по делам охотничьего хозяйства с целью регулирования отстрела выписывает на каждый район разрешения (лицензии) на добычу каждого зверька (в соответствии с распределением плана по районам и организациям). Эти разрешения выдают охотникам, которые возвращают их при сдаче собожьих шкурок. Заготовительная организация, отправляя шкурки на пушную базу.